

НОВОСТИ МИРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 4 (1188)

Апрель, 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР КУШНЕР — Восемь стихотворений	3
ВЕЧЕСЛАВ КАЗАКЕВИЧ — Свободу небу! Сказка	7
ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ — Осенние размышления, стихи	80
ИРИНА МАМАЕВА — И никого нету, рассказ	87
ЛЕРА МАНОВИЧ — Белый верх, чёрный низ, стихи	107
ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ — Черты лица, три рассказа	111
НАДЯ ДЕЛАЛАНД — Фрост и пруст, стихи	133
НАСТАСЬЯ ПОНОМАРЁВА — Камни, рассказы	136
ПАВЕЛ СИДЕЛЬНИКОВ — С водой наедине, стихи	147

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ДЖУЗЕППЕ ДЖОАКИНО БЕЛЛИ (1791 — 1863) — Римские сонеты. Перевод с итальянского и предисловие Евгения Солоновича	150
--	-----

В МИРЕ НАУКИ

МАКСИМ ВИНАРСКИЙ — В кругу гениев: Осип Мандельштам между Дарвином и Ламарком	159
--	-----

ПОЛЕМИКА

АНДРЕЙ РАНЧИН — Что в индексе тебе моем? О наукометрии в современном российском литературоведении	174
АЛЕКСЕЙ КОРОВАШКО — Мнимый Ильенков	186

КОНТЕКСТ

АЛЕКСАНДР КУЛЯПИН, НАТАЛЬЯ ЗАВГОРОДНЯЯ — От <i>ménage à trois</i> к квадратуре круга. Трансформация представлений о новой семье в советской литературе и культуре 1920 — 1930-х годов	192
--	-----

ОПЫТЫ

КОНСТАНТИН ФРУМКИН — Любовь, политика, шаржи: странная поэтика романов Тургенева	199
---	-----

МАКСИМ ВИНАРСКИЙ

В КРУГУ ГЕНИЕВ: ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ МЕЖДУ ДАРВИНОМ И ЛАМАРКОМ

Стихотворение Осипа Манделъштама «Ламарк», датированное началом мая 1932 года, относится к числу самых популярных у комментаторов. Истории его создания, а также расшифровке содержащихся в нем образов и аллюзий (зачастую очень темных) посвящена огромная литература, которую невозможно обозреть здесь даже вкратце¹. Одной из самых последних по времени интерпретаций (послуживших непосредственным стимулом к написанию этой статьи) стала работа литературоведа Ольги Бартошевич-Жагель², увидевшей в «Ламарке» своеобразно преломленный автобиографический сюжет — сложную историю дружеских отношений четы Манделъштамов и московского энтомолога и теоретика биологии Бориса Сергеевича Кузина (1903 — 1973), ставшего для поэта в определенный момент проводником («Вергилием») в мир естественной истории, мир «кольцецов и усонюгов». По мнению автора статьи, Манделъштам создавал своего «Ламарка», чтобы выразить в нем «переживания по поводу деградации отношений с Кузиным».

Автор этих строк — не литературовед, а биолог и историк биологии. Поэтому ему не с руки предлагать на суд манделъштамоведов еще одну интерпретацию знаменитого стихотворения. Цель этой работы в другом. Представляется, что исследователям творчества Манделъштама, как и ценителям его поэзии, не принадлежащим к профессиональному филологическому цеху, будет небесполезно познакомиться с некоторыми обстоятельствами — общественными и личными — в которых создавался «Ламарк». Иными словами, мне хотелось бы рассмотреть это произведение не только в автобиографическом и естественно-

Винарский Максим Викторович — биолог. Родился в Омске в 1978 году. Окончил Омский государственный педагогический университет, биологический факультет. Доктор биологических наук. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий лабораторией макроэкологии и биогеографии беспозвоночных. Главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН. Автор многочисленных научных трудов по зоологии беспозвоночных, теории и истории биологической систематики, истории зоологии. В «Новом мире» публикуется впервые. Живет в Санкт-Петербурге.

Выражаю свою искреннюю признательность сотруднику СПбФ АРАН Елене Анненковой за постоянную помощь и внимание к моей работе.

¹ Вот лишь несколько работ: Гаспаров Б. М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной эпохи». — Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994, стр. 187 — 212; Sippel C. Reisetexte der russischen Moderne: Andrej Belyj und Osip Mandel'stam im Kaukasus. München, 1997; Игошева Т. О стихотворении «Ламарк» Осипа Манделъштама. — Известия РАН. Серия литературы и языка, 2000. Т. 59, стр. 38 — 45; Жолковский А. К. Так как же сделан «Ламарк» Манделъштама? — «Вопросы литературы», 2010, № 3, стр. 150 — 182.

² Бартошевич-Жагель О. «Ламарк» Манделъштама и Борис Кузин: биографический ключ. — «Новый мир», 2022, № 1, стр. 179 — 194.

историческом, но также и в более широком — историко-научном и социальном контексте. Я считаю очень плодотворной попытку Б. М. Гаспарова³ рассмотреть мандельштамовского «Ламарка» в сопоставлении с восприятием поэтом личности и трудов другого великого биолога — часто рассматриваемого в качестве интеллектуального «соперника» Ламарка — Чарльза Дарвина. Начиная с конца XIX века, Дарвин и Ламарк составляют неразлучную пару ученых антиподов, изучавших, в сущности, одно и то же природное явление (биологическую эволюцию), но подходивших к нему с принципиально разных позиций и пришедших, что естественно, к весьма несхожим выводам. Имя Ламарка было поднято как знамя теми из биологов и философов эпохи *fin de siècle*, что не были согласны с дарвиновской интерпретацией эволюции как продукта естественного отбора и искали в наследии французского натуралиста опору своим поискам альтернативной дарвинизму научной теории⁴. Эти споры перекинулись и в XX век и, как я постараюсь показать ниже, имели самое прямое воздействие на интеллектуальную атмосферу Советского Союза начала 1930-х, а значит — влияли непосредственно на судьбу и взгляды Бориса Кузина, а через него — и на прозу и поэзию Осипа Мандельштама. Рассуждая о спорах вокруг теорий Дарвина и Ламарка в контексте советской действительности, нельзя упускать из виду то, что они протекали в определенном идеологическом контексте, приобретая вполне конкретное политическое значение (не забудем и о том, что самым известным советским ламаркистом стал «народный академик» Трофим Лысенко). Однако, прежде чем говорить об идеологии, необходимо поближе присмотреться к личности самого Кузина. Кем был Борис Кузин в 1930 году, в момент встречи в Армении с супругами Мандельштам?

Борис Кузин — ламаркист, поэт, собеседник поэта

История дружбы Бориса Кузина и Осипа Мандельштама, продлившаяся чуть дольше восьми лет, подробно воссоздана мемуаристами и позднейшими исследователями. Хорошо известны и воспоминания самого Кузина, относящиеся к этой истории. Из доступных нам сведений роль молодого московского биолога в формировании биологических интересов «позднего» Мандельштама вырисовывается вполне определенно⁵. Судя по всему, поэт, хотя бы на некоторое время, искренне увлекся биологической проблематикой, что повлияло и на круг его чтения, и на круг знакомств, в который, помимо Кузина, входили и другие натуралисты, о чем свидетельствует сам Мандельштам:

С тех пор, как друзья мои — хотя это слишком громко, я скажу лучше приятели — вовлекли меня в круг естественнонаучных интересов, в жизни моей образовалась широкая прогалина. Передо мной раскрылся выход в светлое деятельное поле⁶.

Однако в статьях о самом Кузине чаще всего обсуждается именно биографический аспект, более всего интересующий литературоведов (дружба с Осипом Мандельштамом, сложные отношения с Надеждой Мандельштам после гибели ее мужа), его собственные литературные произведения — поэзия,

³ Гаспаров Б., стр. 191 — 192.

⁴ Литература о неоламаркизме также огромна. Можно указать монографию П. Баулера: Bowler P. *The Eclipse of Darwinism*. Baltimore, 1983.

⁵ Мандельштам О. Э. и Кузин Б. С. Материалы из архивов. Публ. подгот. М. Давыдовым и А. Огурцовым. — «Вопросы истории естествознания и техники», 1987, № 3, стр. 127 — 144; Гаспаров Б. Указ. соч.; Данин Д. Нечаянное счастье Осипа Мандельштама. — «Наука и жизнь», 1999, № 7, стр. 70 — 77; Кузичева М. «Бабочка» Осипа Мандельштама: стихи о познании. — «Новое литературное обозрение», 2017, № 5 (147), стр. 134 — 150.

⁶ Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Изд. 3-е. СПб., 2020. Т. 3, стр. 268. (далее — ПСС-3).

проза, эссеистика⁷. О теоретических взглядах Кузина обычно сообщается лишь то, что он был «ламаркист». Однако за этим простым словом стоит множество существенных деталей, позволяющих понять в том числе и генезис мандельштамова «Ламарка».

Путь Бориса Кузина в науку начинался вполне обычно, как у многих будущих натуралистов. Московское детство в не очень состоятельной, но интеллигентной семье. Отец-бухгалтер на досуге увлекался коллекционированием насекомых, чем «заразил» и своего сына. Окрепнув, детское увлечение привело Бориса на биологическое отделение физико-математического факультета Московского университета, где он специализировался в области энтомологии⁸. Из всего мира насекомых его больше всего привлекали жуки. И не все подряд, а преимущественно из семейства нарывников (*Meloidae*), классификация которых стала его главной научной специальностью. Помимо нарывников Кузину приходилось обращать внимание и на других членистоногих — амбарных клещей, а еще на кошениль: представителя отряда полужесткокрылых, из которого получают природный краситель — кармин. И это совсем не случайность. В те годы власть не очень поощрительно относилась к «чистой» науке и требовала, чтобы энтомологи занимались чем-то практически полезным, например, вредителями сельского хозяйства или этой самой кошенилью, дающей ценный для промышленности продукт. Изучение кошенили и привело Бориса Кузина в Армению, где произошла его судьбоносная встреча с Надеждой и Осипом Мандельштамами. Кузин сам писал стихи, мастеровитые, но далеко не достигающие уровня поэзии Мандельштама или Пастернака⁹; был знатоком музыки и философии, острословом и диалектиком (в первоначальном значении этого слова, то есть мастером интеллектуального спора). При всей несхожести характеров, между ним и Осипом Мандельштамом очень быстро установились близкие и доверительные дружеские отношения.

В 1920-е годы Бориса Кузина можно было часто увидеть на лекциях и диспутах, посвященных эволюционной биологии. Это была животрепещущая тема, поскольку вопрос об эволюции и ее механизмах считался важным не только теоретически, но и идеологически. Эволюционная биология рассматривалась в Советском Союзе как важное орудие в антирелигиозной пропаганде и в воспитании молодежи в духе материализма. Поэтому споры об эволюции шли с участием партийных теоретиков и идеологов. Молодой Кузин входил в неформальный кружок московских лamarкистов, выступавших против учения Дарвина. Возглавлял его другой энтомолог из МГУ — Евгений Смирнов, человек поразительной широты интересов, простиравшихся от применения математических методов в биологии до неокантианства и антропософии Р. Штайнера. Третьим был Юлий Вермель, самый молодой из всех, впоследствии, в 1938 году, сгинувший в ГУЛАГе. В 1924 году трое соратников опубликовали книгу «Этюды по теории эволюции», в которой со всей прямотой изложили свои антидарвинистские убеждения¹⁰. Поразительная эпоха, когда книги о центральном вопросе эволюционной биологии писали и издавали совсем молодые

⁷ Невзглядова Е. Судьба Пилада. — «Знамя», 2021, № 12, стр. 174 — 180; Анненкова Е. А. Литературное наследие зоолога Б. С. Кузина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Миллеровские чтения — 2020: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия. СПб., 2021, стр. 286 — 293.

⁸ Полноценной научной биографии Бориса Кузина не существует. В качестве краткого введения можно порекомендовать очерк Г. Ю. Любарского в его книге: Любарский Г. Ю. История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры. М., 2009, стр. 558 — 560.

⁹ Литературное наследие Кузина, включая его мемуарную прозу, собрано в книге: Кузин Б. С. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я.: 192 письма к Б. С. Кузину. СПб., 1999.

¹⁰ Судя по всему, Смирнов и Вермель входили в число тех «приятелей», о которых упоминает Мандельштам в приведенной выше цитате.

люди, буквально «молокососы», без ученых степеней и громких научных имен. Самому младшему из соавторов, Вермелью, было всего 18 лет. Кузин — постарше, посolidнее, ему исполнился 21 год... (Книга писалась, очевидно, когда Кузин и Вермель были еще студентами МГУ.)

В этой книге и на частых в те годы публичных диспутах Кузин со своими единомышленниками со всей страстью молодости доказывал, что естественный отбор (основа теории Дарвина) для объяснения эволюции не нужен, а главную роль играет наследование приобретенных при жизни организма признаков (для краткости буду называть его НПП). Если говорить просто, то суть НПП состоит в том, что живой организм, обитая в конкретных условиях и будучи вынужден к ним приспосабливаться, в течение жизни приобретает полезные в этих условиях признаки, которые он способен передать своим потомкам. Это так называемое «прямое приспособление», эволюция, идущая не путем длительного естественного отбора, а через «механический» и целесообразный ответ животных и растений на вызовы, которые ставит перед ними внешняя среда. Эта предполагаемая механичность эволюции и дала название всему течению: Смирнов и его товарищи называли себя *механоламаркистами*. Им противостояли сторонники классической генетики, выступавшие в защиту дарвиновской эволюционной модели.

Атмосферу этих диспутов вокруг идей Дарвина и Ламарка сохранил в своих мемуарах очевидец и участник событий, генетик Николай Дубинин:

Группа ламаркистов в Тимирязевском институте внешне была очень колоритной. Профессор Смирнов был главой и вождем группы. Умный, выдержанный, высокий, худощавый, с надменным лицом, он представлял собою опасного противника; Б. С. Кузин, бритоголовый, крепкий, молчаливый, с неизменной трубкой в зубах; Ю. М. Вермель, красавец, с матовым лицом, длинными волосами, в черной шляпе, с черным длинным плащом, перекинутым через плечо, с тростью, блиставшей серебром, и со страшным перстнем, на котором изображен череп. Он всячески стремился выделиться из окружающей его толпы. Их схватки с [генетиком] А. С. Серебровским были захватывающими¹¹.

Не менее «говорящи» и стенограммы былых споров. В своем докладе в Коммунистической академии Евгений Смирнов заявлял, что «современная биология все больше и больше заставляет нас принять ламаркистскую платформу». А Юлий Вермель (в прениях по докладу Смирнова) выразился еще более экспрессивно: «Я положительно считаю, что вся природа кричит о ламаркизме, и надо быть слепым, чтобы этого не видеть»¹².

Московские механоламаркисты находились в тесном контакте с австрийцем Паулем Каммерером — известным в Европе специалистом по вопросам НПП. Каммерер был убежденным сторонником механоламаркизма и ставил многочисленные опыты на различных видах земноводных с целью доказать реальность НПП. Саламандры и жабы убедили его в том, что Ламарк был прав. В то же время многочисленные научные оппоненты Каммерера были далеко не так оптимистичны. Положение австрийского профессора на родине было шатким, и не только потому, что он отстаивал неоламаркистскую теорию. Каммерер симпатизировал социалистическим идеям, считая себя «крайне левым», а его еврейское происхождение создавало дополнительные проблемы в Австрии, где в период между двумя войнами антисемитизм был весьма силен. В 1925 году в письме к Смирнову Каммерер сообщал, что, не имея постоянной позиции в университете, он вынужден сделаться странствующим лектором, чтобы добыть средства к существованию:

¹¹ Дубинин Н. П. Вечное движение. М., 1989, стр. 99.

¹² Смирнов Е. С. Новые данные о наследственном влиянии среды и современный ламаркизм. — «Вестник Коммунистической академии», 1928. Т. 25, № 1, стр. 183 — 213.

...само собой разумеется, что во время лекторских поездок совершенно исключена всякая творческая работа. Лучше всего для меня было бы длительное приглашение в Россию. Но это желание, вероятно, останется утопическим, как и большая часть моих желаний и надежд в прошлом, настоящем и будущем¹³.

Результатом переписки было направленное Каммереру от советского правительства приглашение переехать в Москву и возглавить специально созданную для него лабораторию в Биологическом институте Коммунистической академии. Ученому обещали создать все условия для широкой постановки опытов для изучения НПП, а в качестве сотрудников будущей лаборатории предполагалась известная нам тройка — Смирнов, Кузин и Вермель¹⁴. В мае 1926 года Каммерер побывал в Москве, присутствовал на дебатах о ламаркизме, а потом уехал в Вену, чтобы подготовиться к переезду в Советскую Россию и закупить необходимое оборудование. Именно в этот момент в научной печати появилось сообщение о том, что результаты опытов Каммерера, которыми он пытался подтвердить правоту механоламаркизма, фальсифицированы. Эта темная история не распутана до сих пор. Сам Каммерер клятвенно заявлял, что он лично в подделке неповинен, но тяжесть позора была столь велика, что в сентябре того же 1926 года он покончил жизнь самоубийством. (Вероятно, хотя и не доказано окончательно, что виновником фальсификации был лаборант Каммерера, решивший тайком «помочь» своему шефу.)

Смерть Каммерера в Советском Союзе была воспринята очень остро. Ее рассматривали с точки зрения теории заговора. В 1927 году в Москве вышла книга Каммерера «Загадка наследственности» (перевод под редакцией Кузина, великолепно владевшего немецким языком), в предисловии к которой известный генетик Израиль Агол писал следующее:

Борьба против материалистической науки на Западе приняла самые угрожающие размеры. И неудивительно, что голоса материалистов раздаются там все реже и глуше. Тем глубже обида, и сильнее боль за каждую жертву буржуазной антинаучной реакции. Последнюю и одной из крупнейших жертв ее является покончивший с собою П. Каммерер¹⁵.

В следующем году на советские киноэкраны вышел художественный фильм «Саламандра», сделанный в жанре политического детектива. Его сюжет был основан на истории гибели Каммерера. Авторы сценария «Саламандры», одним из которых был Анатолий Луначарский, не преминули представить зрителям историю Каммерера в той же драматической тональности, что и предисловие Агола (Смирнову и Кузину даже пришлось печатно отмежеваться от любой ассоциации их имен с этим фильмом, в котором они не увидели ничего общего с реальной историей гибели Каммерера)¹⁶. Однако механоламаркистская лаборатория в Коммунистической академии была все-таки создана, и Кузин некоторое время работал там, параллельно с занятиями в Зоомузее МГУ.

Современные генетики в большинстве своем отрицают НПП, так как не могут объяснить, каким образом живое существо способно «записать» в свои

¹³ Смирнов Е. С. О наследовании приобретаемых свойств у животных. — Вопросы мичуринской биологии. М., 1953. Вып. 3, стр. 147.

¹⁴ Отсюда слова Мандельштама, что Кузин «имел какое-то прикосновение к саламандрам знаменитого венского профессора-самоубийцы Каммерера». Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Изд. 3-е. СПб., 2020. Т. 2 (далее — ПСС-2), стр. 267. Саламандра, которая «ничего не подозревает о черном и желтом крапе на ее спине» (из того же самого «Путешествия в Армению», стр. 266), также возникает как аллюзия на широко известные в то время опыты Каммерера.

¹⁵ Каммерер П. Загадка наследственности. М.-Л., 1927, стр. V.

¹⁶ Мандельштам О. ПСС-3, стр. 598.

гены сведения об этих самых полезных им благоприобретенных признаках. Невозможность объяснить это равносильна невозможности объяснить, как эти признаки передаются потомству. Но в описываемую эпоху генетика была еще сравнительно молодой наукой, многое о законах наследственности еще не было известно, и гипотеза НПП рассматривалась как одно из возможных, хотя и не бесспорных объяснений эволюционного процесса. В XIX столетии реальность НПП признавалась почти всеми биологами (не исключая и Дарвина), а для советских теоретиков было важно, что эту концепцию разделял сам Фридрих Энгельс (в своей «Диалектике природы»), почитавшийся одним из самых высших авторитетов в области теоретической биологии. Высказывания Энгельса по вопросам о сущности жизни и ее происхождения были той не подлежащей ревизии «священной коровой», игнорировать которую не мог ни один советский теоретик.

Логоцентричная установка эпохи предполагала, что постулаты «единственно верной» философии марксизма имеют приоритет над любыми биологическими теориями, выступая в качестве основного средства проверки их на пригодность для советских ученых, мерила их материалистической сущности («идеализм» и «метафизика» безусловно воспрещались). Биолог должен был работать с постоянной оглядкой на высказывания «классиков», поскольку, как объяснял студентам пермский профессор анатомии Б. М. Соколов, ни один биологический вопрос «не может быть понят полно и всегда правильно понят, если не обратиться за разъяснением... о нем к первоисточникам материалистической диалектики — трудам Маркса, Энгельса и Ленина»¹⁷.

Вот почему советские споры о Дарвине и Ламарке не были привычными «нормальной» науке академическими дискуссиями. От того, какая из двух теорий будет в итоге признана соответствующей диалектическому материализму, зависело очень многое — карьера, финансирование исследований, возможность печатать свои труды, положение в обществе, наконец. Примкнуть к одному из лагерей, назваться «дарвинистом» или «ламаркистом», означало сделать *политический* выбор. Неправильный выбор был чреват обвинениями — нет, не в научной несостоятельности, а в идеологической нечистоте и даже вредительстве. В 1931 году в одной из дискуссий по философским вопросам биологии Борис Токин, в будущем крупный эмбриолог, разрабатывавший, в числе прочего, теорию фитонцидов, определил механоламаркизм Смирнова и Кузина как «вульгарную позицию, ничего общего не имеющую с марксизмом и ленинизмом»¹⁸. По его мнению, из нее неизбежно «рождаются метафизика и идеализм. Ламаркизм сейчас тормозит разработку вопросов эволюции, проблем индивидуального развития... это наносит прямой вред социалистическому строительству»¹⁹.

В обстановке этой эпохи такие обвинения выглядели отнюдь не невинно.

Не менее решительными были и высказывания советских ламаркистов. Возражая Токину, Вермель настаивал, что

...всякая философская концепция, претендующая на то, чтобы быть правильной, должна согласоваться с фактами. Такой концепцией является очевидно диалектический материализм и не является механистический материализм. Однако мы считаем, что то толкование эволюции, которые мы даем, соответствует действительному положению в природе. Поэтому мы не соглашаемся признать наши воззрения механистическими²⁰.

¹⁷ Соколов Б. М. Вопросы морфологии в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Пермь, 1934, стр. 8.

¹⁸ Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии. М.-Л., 1931, стр. 25.

¹⁹ Там же, стр. 18.

²⁰ Там же, стр. 46.

Но признание на словах верности диамату не спасало от подозрений. Токин: «Все, кому не лень объявляют себя сторонниками философии пролетариата, и, вульгаризируя ее, усваивая диалектико-материалистическую терминологию, проповедуют с кафедр эклектизм и плодят жуткую литературу»²¹. И совсем уже грозно: «...в Советском Союзе вредитель-биолог пакостит социалистическому строительству, тормозит использование достижений теоретической биологии в нашей практике, влияет на все области методологии»²².

На рубеже 1920-х и 1930-х дебаты завершились победой дарвинистов²³. В мае 1930 года один из свидетелей их триумфа не без злорадства сообщал своему коллеге за океан:

Ламарка ругали, поносили, отрешивались от него. О Каммерере молчали. Бедняга переворачивался в гробу и думал с удовлетворением — «вовремя я умер!» В аду он, несомненно, заведует отделом московских эволюционистов и по воскресениям демонстрирует им фильм «Саламандра»... с пояснительной лекцией о капиталистической науке и угнетении ученых-материалистов. У нас сейчас Дарвин — но не Ламарк — Ламарк был буржуазным ученым²⁴.

После этого Кузину сотоварищи пришлось расстаться с лабораторией в Биологическом институте, где они рассчитывали доказать, что Ламарк был прав. Кузин продолжил работу в Зоологическом музее Московского университета, где мирно занимался классификацией нарывников и время от времени выезжал в экспедиции по изучению кошенили в разные районы страны. Но как теоретик он находился в стане побежденных — как некогда оказался в нем Ламарк, учение которого еще при жизни автора было осмеяно современниками, и Дарвин, работая над своей теорией, вспоминал о нем как о чем-то безусловно архаичном, несерьезном²⁵.

Этим продиктованы и строки из известного письма Мандельштама Мариэтте Шагинян от 5 апреля 1933 года, в которой он просит ее о заступничестве за арестованного Кузина:

Каково же бывает, когда человек, враждующий с постылым меловым молоком полуреальности, объявляется врагом действительности как таковой? Так случилось с моим другом — Борисом Сергеевичем Кузиным, — московским зоологом и ревнителем биологии²⁶.

«Молоку полуреальности» противопоставляется густое и жирное, как «хорошие сливки», бытие — «бытие Аристотеля и Ламарка, бытие Гегеля, бытие Ленина»²⁷. Отсутствие имени Дарвина в этом списке весьма показательное.

Таким же побежденным, только в мире литературном, осознал себя и Осип Мандельштам. В начале 1930-х годов он чувствовал «себя в роли маргинала, странного субъекта, на которого с недоброжелательным недоумением смотрит „литературная общественность“», и он «сознательно принимает уготованную ему судьбу отщепенца»²⁸.

²¹ Против механистического материализма и меньшевистствующего идеализма в биологии, стр. 27.

²² Там же, стр. 8.

²³ Gaissinovitsh A. The Origins of Soviet Genetics and the Struggle with Lamarckism, 1922 — 1929. — «Journal of the History of Biology», 1980. V. 13, № 1, p. 46 — 51.

²⁴ Максимум возможного (Переписка Ф. Г. Добржанского с отечественными биологами: 1920 — 1970 гг.). Часть 1. СПб., 2014, стр. 734.

²⁵ «Да сохранит меня небо от ламаркова нелепого „стремления к прогрессу“», — писал Дарвин в январе 1844 года своему коллеге ботанику Дж. Хукеру (Дарвин Ч. Избранные письма. М., 1950, стр. 30).

²⁶ Мандельштам О. ПСС-3, стр. 432.

²⁷ Там же.

²⁸ Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. М., 2010, стр. 54 — 55.

«За честь природы фехтовальщик». Он же «ревнитель биологии»

Ламарк, каким его увидел и изобразил в стихах и прозе Осип Манделъштам, наделен чертами не только реального Бориса Кузина, великолепного полемиста, виртуозно орудующего «словесной» рапирой в спорах с научными оппонентами²⁹. «Фехтовальщик» Ламарк — это еще и Дон Кихот от биологии, сражающийся за честь прекрасной дамы Природы (которая может оказаться прозаической крестьянкой из Эль-Тобосо, с изрытым оспинами лицом), очертя голову бросающийся в битву, которую ему суждено проиграть. Романтик-натуралист, чье учение не только высмеивалось и вышучивалось современниками и потомками, но и признано — в данный исторический момент — в Советском Союзе идеологически сомнительным. (Манделъштам не доживет до 1948 года, когда академик Лысенко при прямой поддержке Иосифа Сталина объявит механоламаркизм, названный теперь «советским творческим дарвинизмом», единственно приемлемым для советских биологов.) Печаль, которая пронизывает «Ламарка», порождена не только «деградировавшей» дружбой с Кузиным³⁰, но и осознанием того, что дело проиграно, что мир романтических ученых рыцарей сменился прозаичным миром скучных педантов, бухгалтеров от науки, лишенных подлинных страстей и величия³¹.

Так в сознании Манделъштама сложился биографический миф, в котором благородный, но обреченный на поражение фехтовальщик Ламарк противопоставлен скучной конторской крысе — Чарльзу Дарвину.

Это Ламарк:

Ламарк боролся за честь живой природы со шпагой в руках. Вы думаете, он так же мирился с эволюцией, как научные дикари XIX века? А по-моему, стыд за природу ожег смуглые щеки Ламарка. Он не прощал природе пустячка, который называется изменчивостью видов.

Вперед! Aux armes! Смоем с себя бесчестие эволюции. <...>

...Я люблю, когда Ламарк изволит гневаться и вдребезги разбивается вся эта швейцарская педагогическая скука. В понятие природы врывается марсельеза!³²

А вот каков его английский антипод:

Золотая валюта фактов поддерживает баланс его научных предприятий, совсем как миллион стерлингов в подвалах британского банка обеспечивает циркуляцию хозяйства страны...³³ Нельзя не плениться добродушием Дарвина... Но разве добродушие — метод творческого познания и достойный способ жизнеощущения?³⁴

Дарвин по-буржуазному прозаичен, трезв, расчетлив. Таковы и его читатели — воспитанные на Диккенсе «среднеобразованные» англичане:

Замечательный прозаизм трудов Дарвина был глубоко подготовлен историей. Дарвин раз навсегда изгнал из естествознания всякое красноречие и

²⁹ Бартошевич-Жагель, 2022, стр. 184.

³⁰ Не нужно понимать эту «деградацию» слишком буквально. Она не привела к полному разрыву отношений. Кузин был арестован и отправлен в Карлаг в 1935 г., и только спустя два с половиной года, в ноябре 1937 г., между ним и Манделъштамом наладилась переписка (по инициативе Кузина, кстати говоря). Кузину адресовано одно из последних писем, отправленных поэтом с воли, перед последним арестом в 1938 г. См. Манделъштам О. ПСС-3.

³¹ Гаспаров Б., стр. 191 — 192. Ср.: «Ламарк выплакал глаза в лупу. В естествознании он — единственная шекспировская фигура» (Манделъштам О. ПСС-2, стр. 280).

³² Манделъштам О. ПСС-2, стр. 279, 281.

³³ Манделъштам О. ПСС-3, стр. 270.

³⁴ Манделъштам О. ПСС-2, стр. 280.

всякую риторику и всякий телеологический пафос во всех его видах. Он имел мужество быть прозаичным потому, что имел многое и многое сказать и не чувствовал себя никому обязанным ни благодарностью, ни восхищением³⁵.

Мандельштам противопоставляет рыцарю-Ламарку

...скромного Дарвина, по уши влипшего в факты, озабоченно листающего книгу природы — не как Библию — какая там Библия! — а как деловой справочник, биржевой указатель, индекс цен, примет и функций³⁶.

Здесь можно увидеть прямую параллель с одним из «классиков марксизма». Энгельс в «Диалектике природы» писал, что Дарвин своей теорией невольно дал сатиру на общество, в котором вырос и жил, в котором царят самая беспощадная экономическая конкуренция и самая отчаянная борьба за существование. По его мнению, банкирская, бухгалтерская Англия могла увидеть саму себя в зеркале «Происхождения видов». Так, в своем неприятии «скучного и прозаического» Дарвина Осип Мандельштам неожиданно протягивает руку Фридриху Энгельсу³⁷.

Мысль о том, что Дарвин в своей теории простодушно изобразил современные ему социальные отношения, видимо, просто носилась в воздухе, потому что практически то же самое можно найти и у очень далеких от марксизма авторов. Павел Анненков, в письме Ивану Тургеневу от 22 ноября 1862 года сообщает: «Я теперь читаю историю русского общества, написанную англичанином Дарвином, под заглавием „Origine des espèces“. Прочтите там первые три главы — точно приезжал к нам для изучения законов нашего развития, да как искусный баснописец и олицетворил их под видом зверей и растений»³⁸.

«Скука» и приземленность «позитивной науки», лишенной всякой романтики, ее «пошлость» — едва ли не общее место в русской мысли рубежа веков, того ее направления, что было близко философии жизни и не могло представить себе мир не имеющим Цели, замысла, вдохновения Творца. Мир, каким его рисовали «научные дикари XIX века»³⁹ — попросту говоря, ученые, стремившиеся описать природу в терминах механики, математических законов, бездумных и бездушных сил, какой является и дарвиновский естественный отбор. Ученые, отбросившие за ненадобностью все, что «сверх того», подобно тому, как великий французский математик и астроном Лаплас, беседуя с Наполеоном об устройстве Вселенной, говорил, что не нуждается в Боге даже как в рабочей гипотезе.

Вспомним знаменитое рассуждение Василия Розанова о теории Коперника, для которого нашлось же место в «Апокалипсисе нашего времени», создававшемся в первые месяцы после разразившейся в России в октябре 1917 года катастрофы:

Заботится ли солнце о земле?

Не из чего не видно: оно ее «притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний».

Таким образом, 1-й ответ о солнце и о земле Коперника был глуп.

Просто — глуп.

³⁵ Мандельштам О. ПСС-3, стр. 276.

³⁶ Там же, стр. 271.

³⁷ Однако «Диалектику природы» Мандельштам, видимо, не читал. См.: Гаспаров Б., стр. 190 — 191.

³⁸ Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. СПб., 2005. Т. 1, стр. 129. У Мандельштама в «Путешествии в Армению» басенная тема возникает уже применительно к Ламарку: «Уже расположились дети играть в песочек у подножья эволюционной теории дедушки Крылова, то бишь Ламарка-Лафонтена. Найдя себе убежище в Люксембургском саду, она обросла мячами и воланами» (Мандельштам О. ПСС-2, стр. 281).

³⁹ Мандельштам О. ПСС-2, стр. 279.

Он «сосчитал». Но «счет» в применении к нравственному явлению я нахожу просто глупым.

Он просто ответил **глупо**, негодно.

С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце началась пошлость планеты и опустошение Небес.

«Конечно, — земля не имеет об себе заботы солнца, а только притягивается по кубам расстояний».

ТЬФУ⁴⁰.

Замечу, что отчетливым антипозитивистским духом была проникнута и философия жизни начала XX века, бергсонизм, которым вдохновлялись многие неоламаркисты⁴¹.

Насколько близок созданный Мандельштамом мифообраз историческим Ламарку и Дарвину? Если с Ламарком-«фехтовальщиком» еще можно согласиться (Ламарк в молодости был офицером, участвовал в сражениях Семилетней войны и отличался храбростью), то Дарвин, «по уши влипший в факты», это уже карикатура. Да, главный труд Дарвина «Происхождение видов» основан на фактах, «монбланах фактов», но чего еще ждать от естествоиспытателя, желающего убедить своих коллег в правоте новой теории? И не будем абсолютизировать значение этой коллекции фактов. Сам Дарвин в частных письмах называл свою теорию «ужасно спекулятивной» и в этой самооценке был абсолютно прав. Центральная концепция дарвинизма — представление о естественном отборе — была получена не индуктивным (от фактов к теории), а дедуктивным путем. Проще говоря, Дарвин не «подсмотрел» эту концепцию в природе, где-нибудь на Галапагосских островах, а вывел представление об отборе путем умозаключений, медитации над уже известными фактами. Для истинно британского ученого, уроженца страны, в которой со времен Фрэнсиса Бэкона «дедуктивный» способ познания считался едва ли не бранным словом, это было довольно дерзко, и современники не преминули поставить Дарвину в вину спекулятивность его концепции. Подтверждения реальности естественного отбора в природе были получены уже после смерти ученого, когда натуралисты уже понимали, где, как и что им нужно искать...

Итак, реальный Дарвин не был слепым рабом «фактов», как не был он и живым воплощением коммерческой пошлости. Полагаю, что этот скучный образ, нарисованный в «Путешествии в Армению», был нарочито доведен Мандельштамом до шаржа, до полугротеска, с единственной целью — оттенить величие и трагедию непонятого, дон-кихотствующего шевалье де Ламарка (а с этим вместе — не собственную ли историю или историю Бориса Кузина?) Возможно, что сам поэт вполне понимал полемическую однобокость созданной им карикатуры на Дарвина. По крайней мере, другие его оценки того же времени заметно более комплиментарны по отношению к великому англичанину и его страсти к «фактам»:

Лишь сочетание мысли с могучим инстинктом естествоиспытателя позволило Дарвину добиться таких результатов. Я имею в виду инстинкт отбора, скрещивания и селектирования фактов, который приходит на помощь научному доказательству, создает благоприятную среду для обобщения. <...>⁴²

С детства я приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум. Его теория казалась мне подозрительно краткой: естественный отбор. Я спрашивал: стоит ли утруждать природу ради столь краткого и невразумительного вывода.

⁴⁰ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000, стр. 22. Создавая свой образ «ученого дикаря», Розанов заботился о фактической точности еще меньше, чем Мандельштам. Он не только приписал Копернику закон всемирного тяготения, сформулированный полтора века спустя Ньютоном, но и дал в предпоследней строчке неверную его формулировку, спутав «кубы» и «квадраты».

⁴¹ Гаспаров Б., стр. 189.

⁴² Мандельштам О. ПСС-3, стр. 226.

Но, познакомившись ближе с сочинениями знаменитого натуралиста, я резко изменил эту незрелую оценку⁴³.

Как пишет Александр Жолковский, это показывает, что «огульное предпочтение Ламарка Дарвину, высказанное в [«Путешествии в Армению»] (и часто подчеркиваемое в литературе о „Ламарке”), было лишь одним из временных увлечений Мандельштама»⁴⁴. Однако для реалистичной оценки этих комплиментов следует учитывать и те обстоятельства, в которых они возникли.

Дарвин. СССР. Апрель 1932 года

Дата создания стихотворения «Ламарк» по-своему примечательна не меньше, чем его содержание. Стихотворение написано 7 — 9 мая 1932 года. Позволительно предположить, что интерес к эволюционной проблематике именно в эти дни возник у Мандельштама не только в связи с общением с Кузиным. В апреле этого года в Советском Союзе широко праздновалось пятидесятилетие со дня смерти Дарвина, скончавшегося 19 апреля 1882 года. В разных городах СССР проходили выставки, собрания, лекции, посвященные знаменательной дате. В научных и научно-популярных журналах публиковались статьи о Дарвине и дарвинизме, написанные крупнейшими советскими естествоиспытателями. Подобного рода юбилей всесоюзного масштаба могли быть организованы и финансированы единственным заказчиком — государством.

Массовость «дарвиновских дней», невиданный прежде масштаб события определялись не только стремлением к пропаганде дарвиновских идей. Его теория эволюции, как я уже отмечал, имела в советской стране важное идеологическое значение. Пышный юбилей имел целью показать всему миру, что

...пролетариат СССР — единственный наследник материалистических основ дарвинизма. Сотни лекций на эту тему были прочитаны на заводах. Для докладчиков в Комакадемии были сформулированы лозунги и тезисы выступлений, например «дарвинизм против „ученых” поповских мракобесов» или «социал-фашиствующие герои обезьяньих процессов». В МГУ и ЛГУ, а также во многих музеях и дворцах культуры были развернуты грандиозные выставки, посвященные Дарвину в соответствующем идеологическом обрамлении и снабженные высказываниями о нем классиков марксизма. <...>

Общий тон юбилейных мероприятий задавали статьи в главных газетах «Известия» и «Правда». Цель их — доказать, что советская наука находится на подъеме, а зарубежная — переживает кризис⁴⁵.

Помимо «Правды» и «Известий» материалы о Дарвине и его теории поместили десятки (если не сотни) отраслевых и провинциальных газет. Осипу Мандельштаму также был заказан юбилейный очерк, увидевший свет 21 апреля в газете «За коммунистическое просвещение» (ныне — «Учительская газета») под названием «К проблеме научного стиля Дарвина». Приведенные выше комплиментарные оценки взяты мной из текста этого очерка или из рукописных материалов к нему. Мог ли автор поместить в юбилейной публикации хоть что-нибудь, даже отдаленно напоминавшее ироническое описание добряка Дарвина в «Путешествии в Армению»? И повод, и статус издания — официальный орган Министерства просвещения и ЦК профсоюза работников просвещения — должны были накладывать свой отпечаток на содержание и тональность очерка.

⁴³ Мандельштам О. ПСС-3, стр. 268.

⁴⁴ Жолковский А., Указ. соч.

⁴⁵ Колчинский Э. И. Советские юбилеи Ч. Дарвина и лысенкоизм. — «Историко-биологические исследования», 2015. Т. 7, № 2, стр. 13.

При этом, даже при всей увлеченности биологическими вопросами, необходимость выполнить этот заказ, похоже, Мандельштама тяготила. В письме брату, написанному в июле или августе 1932 года, он характеризует его как «тяжелое и несвойственное мне обязательство», принять которое его вынудили соображения исключительно материального характера⁴⁶.

Я не хочу утверждать, что, работая над этим очерком, Мандельштам кривил душой. Вполне вероятно, что контраст в оценках Дарвина, помещенных в очерке 1932 года и в «Путешествии в Армению», порожден «раздвоенностью и вечными метаниями», так присущими (по мнению Н. Я. Мандельштам) автору. Но кажется несомненным, что в созданной поэтом «лестнице совершенства», Дарвин так и остался стоять ступенькой ниже Ламарка. «Путешествие» появилось в печати позже газетного очерка, и автор не счел нужным скорректировать определения и эпитеты, которыми он наградил в нем английского ученого (включая причисление Дарвина к сонму «научных дикарей XIX века» — едва ли не самая резкая оценка, вышедшая из-под пера Мандельштама). Письмо М. Шагинян, написанное в апреле 1933 года, также свидетельствует, что Ламарк оставался для Мандельштама выразителем истинного бытия, в то время как дарвинизм, против которого боролся арестованный Борис Кузин, воспринимался им не более чем «постылое меловое молоко полуреальности», о котором я уже упоминал.

Поучительно и другое сопоставление дат. «Ламарк» был написан приблизительно через полмесяца спустя появления очерка о научном стиле Дарвина, а опубликован и того позднее — в шестом номере «Нового мира» за 1932 год. Я готов усмотреть в нем некий «ответ» поэта на собственный же, написанный на заказ и автоцензурированный «юбилейностью», текст с (вынужденными?) комплиментами в адрес научного антипода Ламарка⁴⁷. Своего рода «а все-таки она вертится!» в исполнении Осипа Мандельштама.

*

Остается лишь вкратце рассказать, как сложилась дальнейшая судьба некоторых героев этого очерка. Участь Осипа Мандельштама хорошо известна, а вот что касается Бориса Кузина, то для него близкое знакомство с великим поэтом стало воистину судьбоносным. Кузин оказался среди тех, кого Мандельштам указал на следствии как слушателей его «самоубийственного» стихотворения о Сталине — «Мы живем, под собою не чуя страны»⁴⁸. В апреле 1935 года Борис Кузин был арестован и уже летом оказался в заключении в Карлаге, на территории Карагандинской области Казахстана. Он был осужден по 58-й статье УК РСФСР «за контрреволюционную деятельность». Кузину очень повезло, так как его не только не отправили на тяжелые работы, но даже «устроили» по специальности. В лагере Кузин был назначен на должность энтомолога «главного опытного поля», занимающегося защитой растений, то есть изучением

⁴⁶ Мандельштам О. ПСС-3, стр. 428.

⁴⁷ В 1957 или 1958 году Н. Я. Мандельштам послала рукописные наброски к этому очерку («Вокруг натуралистов» и «Заметки о натуралистах») другу Кузина А. А. Любичеву — оригинальному мыслителю и теоретику биологии. Любичев в ответном письме отозвался о них следующим образом: «Записки не датированы. Если они написаны после того, как ОЭ познакомился с Б. С. Кузиным... то непонятно, почему биологические взгляды Б. С. Кузина, весьма оригинальные, как и все у этого нашего общего друга, совершенно не отразились на этих записках. Вероятно, они мало говорили о науке, а больше о поэзии. А Кузин весьма критически относился к Дарвину. У ОЭ же к Дарвину необыкновенно восторженное отношение» (письмо А. А. Любичева Н. Я. Мандельштам от 18.03.1958 г. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1033. Оп. 3. Д. 501. Л. 147об).

⁴⁸ Сурат И. З. «Я говорю за всех...» К истории антисталинской инвективы Осипа Мандельштама. — «Знамя», 2017, № 11, стр. 199 — 206.

вредных насекомых⁴⁹. Срок заключения оказался сравнительно короток, и уже в 1937 году Кузин выходит на свободу, но не вполне свободным человеком. Он все еще ссыльный, судимость не снята, и поэтому ни одно научное учреждение в Москве или Ленинграде на работу его не возьмет. Ему удалось устроиться на опытную сельскохозяйственную станцию в североказахстанском поселке Шортанды, которая описана в одном из его писем так:

Станция наша очень убогая. Стоит она в голой степи. До станции железной дороги от нас версты три. В расстоянии версты с небольшим небольшой поселок, образованный несколько лет назад. Сама станция состоит из двух жилых домов, разделенных большим участком степи, гаража с конюшней и кузницей при ней, да двух легких летних построек. Я здесь называюсь заведующим отделом защиты растений, весь персонал которого и все имущество представлено одной моей особой, моей комнатой и моими принадлежностями для сбора насекомых. Нет ни лаборатории, ни инструментов, ни литературы. Нетрудно заключить, что я продолжаю научно деградировать. Поступил я сюда потому, что летом (1937 года, после освобождения из Карлага — *М. В.*) решительно не знал, куда деваться. Но есть и большое преимущество в моей теперешней службе. — Директор хороший человек и вся окружающая публика не вредная. Очень трудно и неудобно, зато спокойно. Насколько позволяют возможности, я изучаю здешних вредителей, а большой досуг отдаю пополнению своего скудного образования⁵⁰.

Несколько лет спустя Кузину удалось перебраться на работу в Алматы, где он продолжил заниматься вредителями сельского хозяйства. Занятие вполне достойное уважения, но совсем не соответствующее его склонностям и научным интересам. Это была жизнь рядового провинциального «научного работника», без особых перспектив, а главное — с довольно беспросветным будущим. Даже став доктором биологических наук, Кузин, казалось, был обречен до конца своих дней бороться с вредителями на территории Казахской ССР.

И снова — невероятный поворот судьбы. Приведу длинную цитату из замечаний о жизни Кузина, написанных историком М. А. Давыдовым:

Последние 23 года Борис Сергеевич прожил в Борке (небольшой поселок недалеко от Рыбинска — *М. В.*), работая в Институте биологии внутренних вод в качестве руководителя научной жизни института, возглавляемого легендарным Папаниным... Это было настоящее небольшое независимое «государство» в Ярославской области. Его глава, Иван Дмитриевич Папанин, герой и адмирал, правил в нем победоносно, милостиво и самовластно, искусно защищая своих подданных от советских законов.

Уже при организации института в начале 50-х гг. сказала талантливость и широта натуры этого не слишком образованного и вполне советского человека. При подборе научных кадров Папанина не смущали «волчьи паспорта». Так, когда акад. Несмеянов, давний знакомый Б. С., рекомендовал его Ивану Дмитриевичу как талантливого ученого и достойного человека, тот сразу захотел получить Кузина. Причем административные рогадки только разжижали это желание. Годы были плоховатые для географических перемещений судимых и ссыльных. А жизнь в Казахстане была для Б. С. невыносима даже в докторском звании. Сам он мало верил в успех этой авантюры, тем более что власти Казахстана не желали лишиться такого первоклассного специалиста по борьбе с вредителями сельского хозяйства, не раз выручавшего их. Все это

⁴⁹ Винарский М. В. Письма ссыльного энтомолога: Переписка Бориса Кузина и Андрея Семенова-Тян-Шанского, 1935 — 1938. — «Историко-биологические исследования», 2023. Т. 15, № 1, стр. 149 — 170.

⁵⁰ Письмо А. А. Любичеву от 06.03.1938 г. СПбФ АРАН. Ф. 1033. Оп. 3. Д. 272. Л. 2-2об.

Б. С. поведал Папанину при встрече. Беседа завершилась вполне суворовским диалогом:

- Собирай бумаги и приезжай!
- Да ведь паспорт у меня хреновый.
- Х... с ним, бери хреновый паспорт и приезжай!

После этого он вступил в бой за Кузина с казахским, московским, рыбинским и т. д. начальством. Завоевав Кузина, Иван Дмитриевич безошибочно поручил ему управление научной жизнью института. Вдвоем они набрали немало сотрудников с «волчьими» паспортами, не смущаясь тем, был ли кандидат хоть немец, хоть еврей, хоть ссыльный, хоть лагерник. Был бы специалист хороший, да человек приличный. При таком методе подбора получился перво-классный академический институт⁵¹.

Это случилось в 1952 году, в эпоху безраздельного господства в СССР «мичуринской биологии» и ее официального вождя — Трофима Лысенко. Сам Лысенко, веруя в НПП, ламаркистом себя никогда не называл, хотя и утверждал, что ламаркизм ближе к истине, чем «вейсманизм»⁵² (т. е. классическая генетика, отрицающая наследование приобретенных признаков). Именно тогда, после долгого перерыва, советские научные журналы снова стали публиковать статьи с доказательствами реальности НПП. Получил возможность высказаться печатно и Е. С. Смирнов, который почти 20 лет не публиковал работ, выдержанных в ламаркистском духе. Теперь он печатал статьи, в которых не скупился на восхваления в адрес «мичуринской биологии» и лично академика Лысенко, а также на проклятия в адрес «реакционных морганистов», не скрывая при этом свою личную обиду на одержавших над ним когда-то верх научных оппонентов:

Немалый вред причинили морганисты и нашей советской науке, пользуясь своим временным преобладанием над сторонниками наследуемости приобретенных свойств. Присваивая последним презрительные клички ламаркистов, идеалистов и т. п., они всячески старались мешать работе наших биологов <...>. В частности, автору этих строк и его сотрудникам пришлось, под давлением морганистов, прекратить свои эксперименты, выполнявшиеся в направлении и в духе работ Каммерера.

Позднее морганисты старались задержать развитие у нас передовой мичуринской биологии, дискредитируя ее представителей и их исследования. Однако эти попытки потерпели крах. Ставший во главе мичуринцев Т. Д. Лысенко объявил борьбу морганистам. <...> Мощную поддержку мичуринской биологии в ее борьбе за правильное биологическое мировоззрение оказали Коммунистическая партия и лично И. В. Сталин⁵³.

А вот Борис Кузин — замолчал. После ареста и заточения, даже работая по своей научной специальности, он перестал выступать в печати по вопросам эволюционной теории. Во всяком случае, в годы владычества Лысенко в советской биологии он не опубликовал об этом ни строчки. И, похоже, в этом надо видеть не только понятную осторожность человека, отбывшего долгие годы заключения и ссылки и предпочитающего помалкивать о своих сокровенных взглядах. В рукописях Кузина, относящихся к 1950-м годам и опубликованных пока лишь в извлечениях, находим признание, что он просто разочаровался в спорах об эволюции, сочтя их куда менее интересными для себя, чем вопросы классификации животных. Поскольку писал он в те годы исключительно для себя и для очень узкого круга знакомых, все это изложено весьма вольным «штилем»:

⁵¹ Кузин Б., стр. 757.

⁵² Лысенко Т. Д. За материализм в биологии. — «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 102 — 111.

⁵³ Смирнов Е., стр. 147.

Эволюция меня когда-то очень интересовала. Она казалась мне простой штукой. Примерно такой, как ее представлял Дарвин или Ламарк. И именно Ламарково объяснение ее меня особенно удовлетворяло. И я даже защищал это с таким пылом и усердием, точно мне довелось воочию наблюдать эволюцию какой-нибудь группы и ясно видеть, что она происходила именно по Ламарковским принципам. Несколько повзрослев, я понял, что движущие силы эволюции не так просты. И с тех пор я почему-то не могу представить себе Дарвина иначе как мальчиком в коротких штанишках, но, впрочем, с бородой и с великолепными нависшими бровями. В этом же роде мне представляется и Ламарк. Это очень нехорошо. Я прекрасно понимаю, что оба они выдающиеся ученые. И почему передо мной не предстают в таком виде Линней или Бюффон... [Я] не считаю, что эволюцию не следует изучать. Только я думаю, зачем же я буду есть картошку, когда за ту же цену я могу нажраться шашлыка <...> [П]очти все, о чем рассуждает любитель эволюционных вопросов, это какая-то безответственная чушь, какое-то дикое фантазирование. И при этом фантазирование бескрылое, плоское, не парящее, пусть в пустых, но все же заоблачных высях, но ползущее как пеша вошь по мокрому пузы⁵⁴.

Но в этих же рукописях можно найти и прямую полемику с Ламарком, с механистическим взглядом на эволюцию как идущую под прямым воздействием внешней среды. И, может быть, перспективу создания новой биологии, которая вернется к своим натурфилософским корням, ныне прочно забытым:

Многообразие органических форм, по моему глубокому убеждению, возникло не механически, не как однозначный ответ организмов на воздействия каких-то физических или иных факторов. В каждой простой реакции простейшего организма на любое простейшее воздействие есть элемент свободы, элемент творчества. И в этих отдельных творческих актах отражается всеобщее творческое начало, дух Космоса⁵⁵.

Итак, Борис Кузин решил для самого себя великий спор Ламарка и Дарвина, определив его как своего рода боевую ничью. Или, вернее, как ситуацию шахматного пата. Как бы решил его для себя Осип Мандельштам, окажись судьба к нему более милостивой, мы можем только гадать.

P. S. В 1933 году Николай Олейников создает свое стихотворение на «биологическую» тему — «Чарльз Дарвин». По свидетельству Н. Харджиева, Олейников «Мандельштама ненавидел и о том, кого презирал, говорил сквозь зубы: — Ему, наверно, нравится Мандельштам...»⁵⁶ Нет ли в олейниковском «Дарвине» скрытого полемического отклика на публикацию мандельштамовского «Ламарка»?

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 2. Л. 5-6.

⁵⁵ Там же, л. 140.

⁵⁶ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. Сост. А. Г. Мец. СПб., 2019, стр. 381.